

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
СЗО

Ф о т о: Наталья Скворцова, Александра Бодрова, Денис Гуляев,
Николай Зерков, Дарья Захарова, Kateryna Kurganska,
Gorbanov (обложка), Psareva Yelena, Nicholas MacKay

Семак, Анна Геннадьевна.

СЗО Близость как способ полюбить себя и жизнь. The secret garden / Анна Семак. — Москва : Эксмо, 2020. — 248 с. : ил. — (Talanta Agency).

ISBN 978-5-04-104262-2

Жизнь каждого — тернистый путь, и только вам решать, пройти его или сдать-ся. Анна рассказывает о своем пути, о знаменательных встречах и событиях. Некоторые радостные и теплые — воспоминания о дяде Алике, научившем мечтать. Некоторые печальные — о смерти, разводах, ранней беременности. Некоторые шокирующие — родила шестерых детей. В заключительной части она делится своим мировоззрением и опытом, благодаря которому стала счастливой мамой, женой и просто восхитительной женщиной. Она дает советы, которые пригодятся каждой девушке.

**УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44**

© Семак А., текст, 2019
© Скворцова Н., Бодрова А., Гуляев Д., Захарова Д.,
Зерков Н., Kateryna Kurganska, Gorbanov,
Psareva Yelena, Nicholas MacKay, фото, 2019
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-104262-2

СО Д Е Р Ж А Н И Е

1

ДЕТСТВО

Воспоминания

5

2

ЮНОСТЬ

Здравствуй, запретный мир!
Воспоминания. Приключения

65

3

ЗРЕЛОСТЬ

Опыт. Возвращение к себе

121

Д Е Т С Т В О

ВОСПОМИНАНИЯ

С Е К Р Е Т Н Ы Й

С А Д

В ту зиму из-за меня умерла Маруся, и все мое детство я кляла себя за то, что случилось именно так. Зима была морозная, снежная, утром папа раскапывал дверь и чистил дорожку до ворот, чтоб сестра могла пойти в школу, а я выходила во двор и гуляла, предоставленная сама себе.

Мне всегда нравилось одиночество, нравилось погружаться в себя и делать новые открытия. Так, я однажды обнаружила, что яблоко и грецкие орехи на морозе меняют свой вкус. Глядя на плотно утоптаный снег цвета топленого молока, я любила представлять, как будто это мороженое крем-брюле из вафельных стаканчиков, мечтая лечь на дорогу и однажды лизнуть его, убедившись, что я все-таки права. Когда наступала оттепель, я выходила во двор, тайком снимала шапку, чтобы волосы разлетались на ветру в разные стороны, в небе кружили вороны, и, втягивая носом холодный влажный воздух, я чувствовала, что впереди меня ждет необыкновенная жизнь, но только сейчас, в этом одиночестве, и только здесь, в этом заснеженном саду, я имею достаточно времени для того, чтобы основательно разобраться во всем самой, определив дальнейший путь, изучить связь природы и человека, наблюдать за людьми, записывать мысли в дневник.

Эти перекрикивающие друг друга глухие вороньи крики, разрезающие воздух, гипнотизировали меня, казалось, птицы знают обо всем, что будет со мной происходить, и настойчиво пытаются рассказать мне что-то важное. До сих пор, возвращаясь домой или заслышав это не унимающееся в небе карканье в другом месте, я возвращаюсь обратно в детство и вспоминаю, как стояла посреди двора без шапки, задрав голову вверх, щурясь от света, думая о будущем.

Мы жили в деревянном церковном доме с папой, мамой и сестрой Лизой, она была старше меня на два года, и до семи лет Лиза была моим близким другом, потому что в детский сад мы не ходили, росли одни в нашем секретном саду, казавшемся мне огромным. Там-то и случилась история с Марусей. Пробираясь в темноте сквозь сугробы, то и дело зачерпывая в валенки снег, я шла к курятнику. Открыв тугую дверь, почувствовала резкий теплый запах птицы – мне очень нравился этот запах. Куры недовольно зашевелились, заворчали. Я схватила с насеста Марусю, распахнув полу мутоновой шубы, прижала ее к животу и вышла на улицу. Маруся слабо сопротивлялась, трепыхаясь под моей рукой, а я села в сугроб, расчистив попой площадку в снегу, и гладила упругие маслянистые перья, чесала курице шею, прижималась носом к теплому тельцу. Я считала Марусю моим домашним питомцем, и мне казалось, мы хорошо друг друга понимаем. Долго мы сидели с ней так, обнявшись, как вдруг я услышала мамин голос, она звала меня домой.

Поставив Марусю на постамент, на котором сидела, я, испугавшись, бросилась на голос, звавший меня, представляя, что сейчас же вернусь и отнесу курицу обратно, но в тот вечер меня больше не выпустили гулять, и что самое страшное – я про Марусю забыла, а наутро папа сообщил, что одна из кур каким-то образом выбралась из курятника и замерзла, но я не нашла в себе сил признаться

в содеянном. До сих пор не могу себе этого простить. Это событие поспособствовало моему решению никогда не есть животных.

Через забор от нашего дома, а других путей пробраться друг к другу в гости быстро у нас не было, жили мои лучшие друзья Костя и Сашка — дети священников. Они часто ссорились, споря, кто из них будет в будущем на мне жениться, но вне этих разногласий мы бесконечно придумывали разные игры, с утра до вечера проводя время на улице. О слове «скука» мы узнали через много лет от своих детей.

Особенным развлечением стала для нас игра «Московское море», когда мы содрали с соседской крыши шифер и начали плавать в глубокой весенней луже, разлившейся в конце марта, как на лонгборде, загребая грязную ледяную воду рукавами мутоновых шуб. Впоследствии Сашка стал тем самым священником, отцом Александром, который в ночь наводнения в Крымске спас на резиновой лодке больше пятидесяти человек.

Я чувствовала наступление весны, когда шла домой из школы, а кругом повсюду жгли костры, собирая граблями старые сухие листья и мусор, открывшийся под снегом. Мы часто садились на широкие деревянные ступени выцветшего от сырости крыльца в нашем дворе, снимали демисезонные куртки, грелись в первых по-настоящему теплых лучах солнца, ели черный хлеб с солью и зеленым луком и обсуждали, что нет на свете еды вкуснее этой.

С наступлением летних каникул наш сад становился моим убежищем. Просыпаясь раньше всех, я распахивала окно, глубоко вдыхая запах персидской сирени, мокрой от росы травы, и, лихо спрыгнув с подоконника на землю, ныряла в самую чащу кустарников, находя все новые и новые тайны, скрывающиеся за этой совершенной простотой.

Залезая на высокий дуб, я цеплялась за тонкую верхушку, ложилась на нее, обхватив ногами и руками, раскачивалась в разные стороны, даже не думая, что могу упасть и разбиться, почему-то я была уверена, что это не моя судьба, да и что говорить – теперь очевидно, что всех нас хранил Господь, потому что сегодня мне страшно вспомнить наши игры в котлованах на стройке, походы на безлюдные пустыри, ныряние в Волгу с ржавого катера, торчавшего из воды. Среди укромных мест, где можно было спрятаться ото всех, были крыша соседского сарая и чердак, куда я быстро, как обезьяна, забиралась по приставной лестнице, а оттуда выбиралась на крышу, цепляясь за выступы черепицы, часто оступаясь, сползая до самого края, в кровь раздирая колени, пробиралась на маленькую площадку за трубой и там, поглядывая на длинный, прозрачный коридор больницы для сердечников, на больных, замотанных в густые махровые и тонкие ситцевые халаты, медленно перебирающих шаркающими тапочками из начала в конец, писала свою первую книгу в толстой тетрадке, это был роман о любви, на обложке я старательно выцарапала название – «Он и Она».

Про Марка Леви я тогда ничего не слышала и его книгу с таким же названием не читала.

О Б У Д И В И Т Е Л Ь Н Ы Х Л Ю Д Я Х

И С У М А С Ш Е Д Ш И Х

П О С Т О Я Л Ь Ц А Х

В детстве в гостиной нашего дома оказывались совершенно невероятные люди – босоногие странники-аскеты, священники англиканской церкви, русские батюшки и монахи, нищие старушки, жил у нас как-то даже московский сумасшедший. Сумасшедшего

в нем распознали не сразу, где-то на третий день. Интеллигентный молодой человек Дмитрий приехал к отцу из Москвы за советами относительно духовной жизни и церковной музыки, а получив необходимые ответы, он отправил нас, детей, в магазин за соусом карри Uncle Bens, а сам, обнажившись по пояс, прыгал по дому, испытывая на прочность старый дощатый пол, под группу Dereche Mode – насилу успокоили и отправили восвояси.

Мне нравилось подглядывать в приоткрытую дверь за папиными посетителями. На темно-коричневом вельветовом диване сидел гость, мама ставила на столик чайник, накрытый тряпчонным цветастым петухом, вишневое варенье в хрустальных розетках, масло в масленке, аккуратно нарезанную плетёнку с маком в соломенной корзине.

Заходить в комнату без разрешения детям запрещалось, поэтому я мечтала выбрать момент и спрятаться на антресолях, заполненных пыльными книгами, чтоб потом свесить голову вниз и почувствовать себя сопричастной этим таинственным тихим разговорам под мерцающий свет горячей рубиновой лампы. Прощаясь с гостями, мы все выходили в прихожую, тащили, держа наперевес, сибирского кота Пушка, гости трепали нас по волосам, раздавали благословения, благодарили маму за гостеприимство.

Однажды к папе пришёл таинственный незнакомец – в мороз он шёл по снегу в тонких ботинках без носков и совершенно точно не был сумасшедшим. Как выяснилось позже, это был человек, практикующий аскезу, юродивый, а мама приняла подвижника за нищего, подложив ему в ботинки носки, – гость смущенно выложил подарок на порог. Приходили старенькие монахини со сморщен-

ными от времени лицами, с пронзительно голубыми глазами – Савватия и Манефа. Манефа рассказывала, что происходила из семьи крепостных крестьян, и когда солдаты пришли в деревню раскулачивать дома, они насильовали красивых молодых девиц. Манефа, будучи очень привлекательной, проявила крестьянскую смекалку, кинулась на пол, катаясь волчком и выкрикивая всякую бессмыслицу, – солдаты погнушались притрагиваться к «тронутой умом», оставив её в покое.

От монахинь веяло удивительным спокойствием и любовью – мне хотелось закутаться в длинные полы их подрясников и просто сидеть рядом на полу, не отходя ни на шаг, – греться их внутренним светом. Думая о своем предназначении на земле, в семь лет я задумалась о монашестве. Меня завораживали таинственные люди в черных одеждах, отрекшиеся от собственного имени и всех земных благ ради служения высшей цели. Я росла в строгой религиозной семье – мой отец служил в церкви регентом, руководя хором. Папины посетители, удивительные люди, исполненные царского величия, спокойствия и доброты, открыли мне мир, который сильно отличался от того, что я позже видела вокруг. Мне казалось, что я тоже смогу однажды стать одной из этих блаженных стариц, носить подрясник, клобук на голове, отвечать на вопросы только по существу и раздавать из бездонных карманов карамельки облепившим меня со всех сторон детям. Меня привлекала тайна, которую, казалось, они хранят за маской безмолвия, и я не совсем понимала, ради какой такой сакральной идеи можно навсегда забыть о себе, о мороженом в пост, мечтах о море, но много позже, получив ответы на так долго мучившие меня вопросы, пожалела, что, став свидетелем многочисленных цыганских свадеб, регулярно случавшихся в старинной белокаменной церкви около нашего дома, я сделала выбор в пользу многоярусного зефирного платья, маленьких пажей, рассыпающих вокруг молодоженов цветы, и мо-

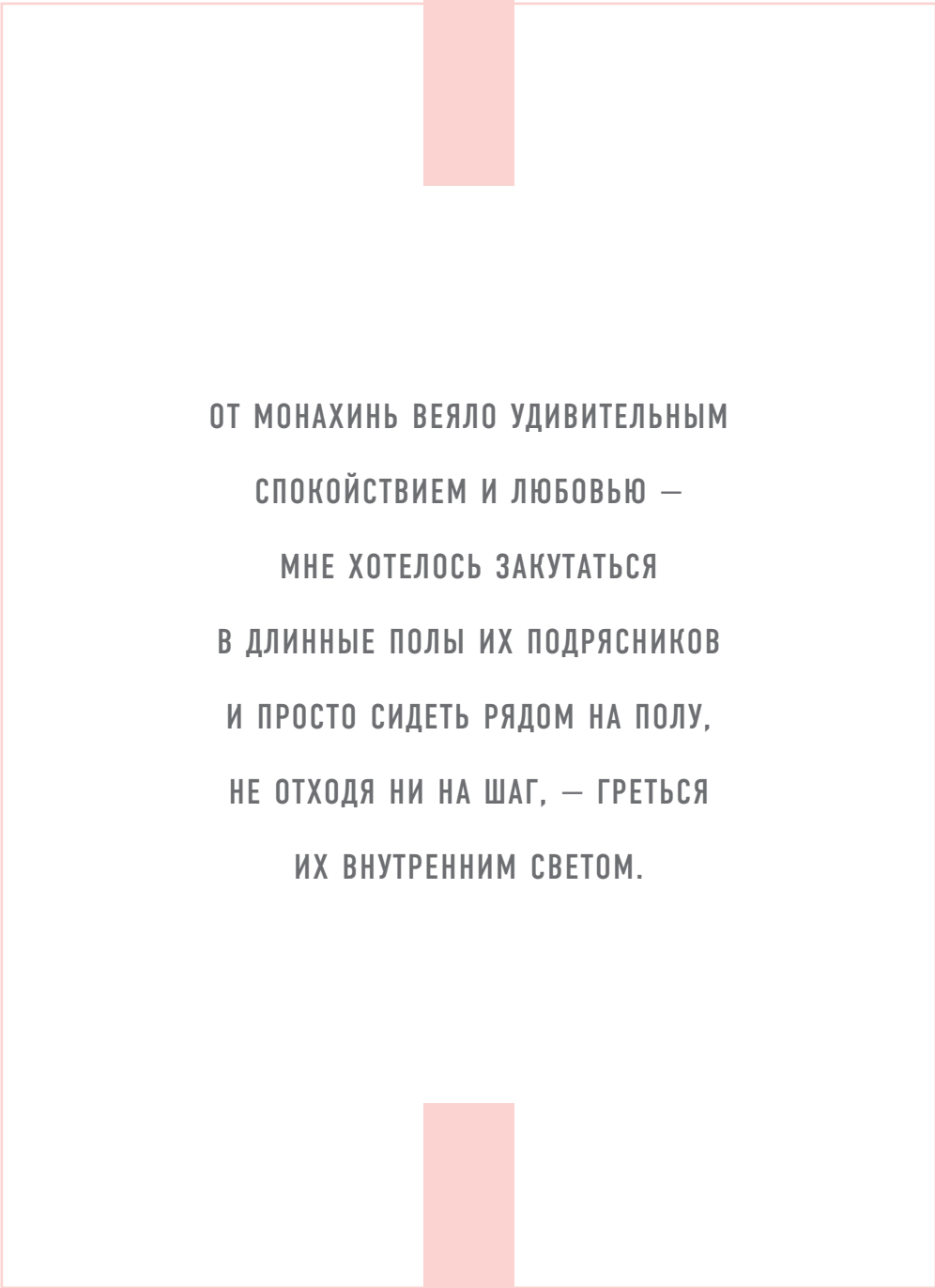

лодого красивого жениха, гордо подъезжавшего к церковной ограде на блестящем, мускулистом коне, издающем воинственный клич. Цыгане умели произвести впечатление на маленьких босоногих девочек, промышлявших в то время у храма, обменивая иностранцам букеты синих подснежников на жевательные резинки и лишнюю канцелярию.

Все мое детство прошло в церкви, мы с сестрой пекли просфоры в крошечной пекарне у дома, слушали стройное молитвенное пение светлицыных женщин в белых платочках, из оставшегося теста нам разрешали слепить что-то на свой вкус, посыпая пресное тесто сахарным песком, — по дороге домой мы, не снимая платков, бежали наперегонки, счастливые и умиротворенные, обжигая губы горячими крендельками. Я любила прийти в церковь одна, когда там никого не было, отскрести с пола воск специальным скребком, натирать подсвечники.

В этой завораживающей тишине, в прохладе каменных стен, я чувствовала себя как дома, и мне казалось, что именно здесь со мной никогда не случится ничего плохого, потому что все святые, поблескивающие нимбами в свете горящих свечей, меня любят, а как иначе — я же хорошая, помогаю навести здесь порядок.

Однажды иностранец принял меня за нищенку и подал десять рублей — это были огромные деньги. Папа опустил их в церковный ящик.

Возвращаясь в свой секретный сад, я любила обклеивать платье колечками, набивая плотное полотно, и представляла себя нищенкой, питающейся только черствым хлебом и водой: тогда мне казалось, что в нищенстве кроется великое счастье — тебе совершенно незначит переживать, что тебя обворуют или где жить, жить можно где угодно и на свободе это даже лучше — сегодня под

ОТ МОНАХИНЬ ВЕЯЛО УДИВИТЕЛЬНЫМ
СПОКОЙСТВИЕМ И ЛЮБОВЬЮ —
МНЕ ХОТЕЛОСЬ ЗАКУТАТЬСЯ
В ДЛИННЫЕ ПОЛЫ ИХ ПОДРЯСНИКОВ
И ПРОСТО СИДЕТЬ РЯДОМ НА ПОЛУ,
НЕ ОТХОДЯ НИ НА ШАГ, — ГРЕТЬСЯ
ИХ ВНУТРЕННИМ СВЕТОМ.

мостом в картонной коробке, а завтра тебя позвали в гости незнакомые добрые люди, и ты радуешься подушке, одеялу, горячему супу и тому, что ты счастлив, не имея холодильника, телевизора, лишнего мусора в шкафу. В детстве мне хотелось стать писателем, собрать за свою жизнь как можно больше историй, что и стало впоследствии моим любимым занятием – встречать удивительных людей и делать зарисовки всех необыкновенных событий, в которых они участвовали.

О СПАСЕНИИ УМИРАЮЩЕЙ

СОБАКИ И ПРЕДАННОЙ

ДРУЖБЕ

«Осторожней, я чуть ногу об гвоздь не разодрала, дай руку, помоги!» – перелезая через высокий лохматый от разошедшейся древесины забор, цепляясь ногами за крепкие яблоневые ветки, мы чувствовали, что делаем что-то очень важное.

Там, сквозь густые малиновые заросли, в запущенном огороде, заросшем полынью, виднелась будка, на цепи, постанывая глухим безнадежным басом, умирала собака, привязанная ржавой цепью к будке, – довольно крупная, гладкошерстная, со стоячими, как у овчарки, ушами, чёрного цвета, в белых носочках и с белым пятном на морде. Собака еле дышала, лёжа в пыли. Пустая миска валялась неподалёку, видимо, к собаке очень давно никто не подходил. Мы боялись, что пёс залает или бросится на нас, но он был слишком слаб, пёс тихо умирал.

Сашка побежал за бидоном с водой, мы с сестрой принесли кое-что из еды. Собака встрепенулась, жадно, насколько хватило